Жестокое милосердие

Автор:
Богдан Сушинский

Жестокое милосердие

Богдан Иванович Сушинский

Хроники «Беркута» #5

Осень 1943 года. После трагических событий годичной давности Беркут вновь собрал мобильную и боеспособную группу. Теперь он изменил тактику, наладил связь с местными партизанами, но действовал по-прежнему лихо и смело. Переодевшись в немецкую форму, отряд Беркута проводит дерзкую операцию под самым носом у своего давнего противника, гауптштурмфюрера Штубера.

Роман входит в новый цикл «Хроника «Беркута» известного писателя Богдана Сушинского и является продолжением романа «Стоять в огне».

Богдан Сушинский

Жестокое милосердие

Война – и есть то неминуемое, богами завещанное жертвоприношение, которое человечество во все века и на всех эта-пах развития возносит на священный жертвенник своего физического, духовного и научно-технического совершенства.

Автор

1

Барон фон Штубер вновь переплыл серевшее на краю городка болотистое озеро и, поймав на мели брошенное фельдфебелем Зебольдом полотенце, принялся на ходу растираться.

Холодная вода бодрила его; налетающий из ближайшего леска ветер заставлял крепкое, тренированное тело сопротивляться ему всей горячей упругостью мышц, а появившееся между голубоватыми кронами деревьев багровое пламя солнца вселяло веру в то, что и в этой польской глухомани летний день все же остается… летним.

И вообще, что бы там ни происходило на этой странной войне, какие бы неудачи ни поджидали на ней вермахт, лично для него, гауптштурмфюрера СС Вилли Штубера, командира особой диверсионной группы «Рыцари рейха», это еще не закат. Свое место под солнцем он еще способен отстоять. Пока еще… способен.

– Господин гауптштурмфюрер! – появился из-за ограды старинной графской усадьбы, в которой расположилась армейская разведка, дежурный унтер-офицер. – Вас срочно требуют к телефону!

– Так уж и «требуют», – проворчал барон.

– Из штаба армии.

– И вы, конечно же, поспешили предать меня, Кирдорф, сообщив, что я отправился в ближайший лес, проверять грибные места? – старательно растирал барон фон Штубер усеянную седеющими волосами грудь.

– Никак нет, господин гауптштурмфюрер, я лишь…

– Прав, прав был наш Вечный Фельдфебель Зебольд, – не собирался выслушивать его барон, – предупреждая меня, что на вас, Кирдорф, полагаться не следует.

– Наоборот, я сказал, что вы выехали на место вчерашнего нападения партизан на нашу автоколонну. То есть взял грех на душу. Но в штабе вдруг почему-то

занервничали. Ищут вас и начальника разведки.

– Значит, в эти минуты я нахожусь на месте атаки партизан?

– Именно так я и сказал, пытаясь придать важность этому вашему занятию.

– Вот видите, Зебольд, – продолжал ворчать Штубер, принимая из рук фельдфебеля, исполняющего роль ординарца и денщика, свои брюки. – Как можно недооценивать мужественного унтер-офицера только из-за того, что он, видите ли, никогда не был настоящим диверсантом?

– Это же Кирдорф, господин гауптштурмфюрер! – подыграл командиру фельдфебель, настороженно посматривая на чернеющий по ту сторону озерца лесок. – Из него еще можно сделать настоящего «рыцаря рейха».

После этих слов оба рассмеялись. Они хорошо знали, что становиться «настоящим рыцарем рейха» унтер-офицер Кирдорф как раз и не стремился. Романтика войны этого парня не прельщала. Он был горд тем, что стал унтер-офицером, и поскольку дослужиться до офицерских погон, о которых бредил фельдфебель Зебольд, он не мечтал, то его вполне устраивала любая тыловая должность, на которой можно было бы дождаться окончания войны.

Однако шутка не мешала Вечному Фельдфебелю настороженно посматривать на чернеющий по ту сторону озерца лесок.

Конечно, за ним располагались казармы саперного батальона, а потому опасаться вроде бы нечего. Но Зебольд уже давно не доверял не только лесам, но и вообще какой бы то ни было растительности. Зато опыт подольских чащоб приучил его благоговейно относиться ко всякой открытой равнине. Постепенно он становился убежденным степняком, чтобы не сказать – пустынником.

– Странно, что они вспомнили обо мне, Кирдорф, – ворчал тем временем один из лучших диверсантов группы Скорцени, едва сдерживая охватывающую его дрожь. – Ведь, что ни говори, а визитер из меня…

– Что-то там произошло. Что-то, кажется, произошло.

– Только не уверяйте меня, что батальоны Бонапарта опять подходят к Берлину!

– Относительно батальонов майор абвера почему-то умалчивает, – невозмутимо пожал плечами Кирдорф.

2

Когда партизаны въезжали на шоссе, прямо перед машиной прошла тачанка, запряженная парой холеных пегих лошадей. Сбруя их была разукрашена так, словно они везли к костелу новобрачных, однако вместо жениха и невесты Беркут увидел троих вооруженных карабинами людей в странной военизированной форме, с белыми повязками на рукавах.

Один из них, тот, что сидел на передке, вдруг оглянулся и показал кнутом в сторону машины. Двое других привстали и тоже уставились на кабину.

– Что за войско?! – спросил лейтенант Корбача[1 - Действия, связанные с группой лейтенанта Беркута (бывшего коменданта «дота смертников» Могилевско-Ямпольского укрепрайона Андрея Громова), происходят в 1943 г. Сюжетная линия лейтенанта Беркута и его группы прослеживается в моих романах «Река убиенных», «Живым приказано сражаться», «До последнего солдата» и других, входящих теперь в эпопею «Война империй».], и только теперь заметил, что тот наклонился к рулю, пытаясь спрятать свое лицо.

– Местная полиция, крёншки-псёншки.

– И ты знаешь этих полицаев?

– Еще как знаю! А главное, они меня узнали, – неохотно приподнял он голову.

– Ну, так уж и узнали!..

– Узнали, пан лейтенант, это точно. Смотрите, как погнали. Хотят предупредить немецкий пост. Он – в ближайшем селе.

– Почему бы и не предупредить, если представится такая возможность? Быстро меняемся местами.

– Но я стреляю хуже вас, – успел предупредить его Корбач.

– Зато я водить умею чуточку лучше тебя. А посему, дай руль и приготовь оружие, – сказал он, садясь на место водителя и срывая машину с места. – Передай наверх, пусть приготовятся. Когда начну догонять, высунься из кабины, приветливо помаши рукой. Словом, отвлеки, чтобы не открыли огонь.

Пропустив несколько встречных машин, Андрей увеличил скорость, но, заметив еще две, идущие сзади, вынужден был пропустить и их, и только тогда снова ринулся в погоню. Он обратил внимание, что полицаи пытались остановить эти машины, однако на их крики и жесты водители-немцы не отреагировали.

Чтобы окончательно не насторожить полицаев, Андрей принял левее и пошел почти по кромке, давая понять, что намерен обогнать тачанку и ехать своей дорогой. А тут еще Корбач высунулся из кабины, и, сняв пилотку, приветливо помахал ею, словно приглашал пересесть в грузовик. Это-то их и удивило.

Кучер притормозил. Задние полицаи привстали и удивленно переглянулись, не зная, как объяснить перевоплощение знакомого им хуторского парня в немецкого солдата. Вот тогда-то, воспользовавшись их замешательством, Беркут и врезался передком машины в тачанку и, словно бульдозер, буквально смел ее с дороги, хотя и машина при этом тоже чуть не завалилась в кювет. В ту же минуту с кузова почти одновременно ударили длинными очередями три автомата.

Беркут так и не расслышал, прозвучал ли в ответ хотя бы один выстрел из полицейской винтовки. Нажимая на педаль газа и все дальше и дальше уходя от места столкновения, лейтенант напряженно вслушивался, не прогремит ли выстрел вдогонку. Пока наконец облегченно не вздохнул: «Не прозвучал!»

– Ну, что там, гренадеры-кавалергарды? – выглянул он из кабины, когда опрокинутая вверх колесами тачанка осталась далеко позади.

– Отберут у тебя права, лейтенант, – ответил за всех Арзамасцев, на этот раз вполне добродушно, без обычного для себя неприятия любой стычки. – Кажется,

накрыли всех троих.

– Божественно! Только так и воюем!

– Но ведь и сами могли оказаться в кювете, – запоздало проснулось в ефрейторе прирожденное неприятие какого-либо риска. Беркут уже не раз задавался вопросом: как вообще такой человек может быть солдатом? Но всякий раз сам же и оправдывал Арзамасцева: скольких подобных вояк загнано теперь в солдатский строй!

– Могли, конечно. А как еще следовало повести себя в этой ситуации?

– Можно было просто-напросто расстрелять их… – все еще не мог угомониться этот анти-солдат, наклоняясь к кабинке.

– И получить пару пуль вдогонку. А так наверняка.

– Ну, это всего лишь счастливый случай.

– Тебе, Арзамасцев, не угодишь. Одного не пойму: как ты умудрился стать ефрейтором?

Беркут действительно не мог понять этого. Впрочем, может быть, там, в окопе, среди множества подобных ему, слабо подготовленных и не склонных к военным авантюрам солдат, Арзамасцев и в самом деле представал неплохим бойцом: прилежным, исполнительным; в боях хотя и не отличался, но ведь и труса тоже не праздновал.

И все же не таких солдат желал видеть теперь рядом с собой Беркут, совершенно не таких. Да только что уж тут возмущаться? Каких война и случай послали…

Проехав еще с километр, лейтенант остановил машину и быстро поменялся местами с Корбачем.

– Оружие все время держать готовым, – напомнил бойцам. – И не сбивайтесь в кучу. Не забывайте, что у немцев такие же шмайсеры, как и у вас.

Наконец Корбач свернул на проселочную дорогу, и впереди показались островки редколесья. Со слов Звездослава Беркут уже знал, что за несколькими такими посадками должно находиться село, а за ним – лес. Правда, в глуши его тоже может явиться им небольшое село, если только немцы не сожгли его, но там уже настоящие леса, в которых можно чувствовать себя более или менее защищенными.

Еще больше ободряло Беркута то, что, судя по карте, этими лесами они смогут пройти километров пятьдесят. А там и до Украины рукой подать. И сразу же вспомнилось: Подольск, лесная база отряда, последний бой на Змеиной Гряде… Крамарчук, Мазовецкий, Мария, другие ребята – живые и погибшие…

Вновь и вновь Беркут припоминал тех, кого послал тогда на задание вместе с Мазовецким и Крамарчуком. Неужели никто из них не спасся? Неужели никого из них уже не придется встретить в лесах под Подольском?

Как все круто изменилось в его жизни! Карательная экспедиция, бой на гряде, дни скитания по лесу, предательство старика, у которого он решил переночевать и немного отогреть свою простуду… А затем вдруг плен, имитация расстрела, вновь лагерь, наконец побег, и вот теперь эти бесконечные дороги и хутора Польши…

Вечерами, сидя в землянке вместе с Влади-славом Мазовецким, он не раз выслушивал почти детское фантазирование поручика о том, как, вернувшись в Польшу, он создаст небольшой партизанский отряд и развернет борьбу за независимую Польшу. Слушать – слушал, но даже в сонном бреду не мог предположить, что очень скоро сам окажется на польской земле, и что самому ему, причем раньше, чем Мазовецкому, придется пройти почти через всю Польшу. Как партизану, с боями…

* * *

– Товарищ лейтенант, немцы! – вырвал его из потока раздумий крик Корбача. Но, прежде чем Андрей увидел этих самых немцев, он успел выхватить пистолет и приоткрыть дверцу кабины, готовый в любое мгновение броситься на землю.

– Да это же всего лишь немецкий пост! – сказал он несколько разочарованно, заметив наспех сколоченный шлагбаум, возле которого, рядом с мотоциклом, топтались трое солдат.

– Что-то многовато их там.

– Не больше, чем нас. И вообще, воспринимай все это спокойнее. Кстати, ты впервые употребил слово «товарищ». До сих пор я был для тебя «паном».

– Но ведь в Советском Союзе к офицерам обращаются именно так – «товарищ»?

– В Союзе – да, так что привыкай. Ну что, гренадеры-кавалергарды, – ступил он на подножку, ожидая, пока Корбач медленно подведет машину к посту. – Следите за моей реакцией и моими действиями. Пальбы не открывать. Говорить только по-немецки, а лучше – вообще, нагло, по-русски, молчать.

– Что за граница, фельдфебель? – машина еще двигалась, но Беркут на ходу спрыгнул и побежал к шлагбауму, махнув Корбачу рукой, чтобы тот притормозил.

– Приказано перекрыть дорогу и проверять документы, господин обер-лейтенант.

– У германских офицеров – тоже? – удивленно вскинул брови Беркут.

Фельдфебель растерянно взглянул на стоявших рядом солдат, смотревших на обер-лейтенанта скорее с любопытством, нежели с настороженностью.

– Относительно офицеров… особого приказа не было, господин обер-лейтенант. Оставляя нас здесь, лейтенант просто приказал проверять документы. А вот относительно офицеров…

– Ясно, фельдфебель, вот мои документы. Очевидно, речь шла о гражданском населении. Очередная операция против партизан – так я понял?

– Так точно, прочесывают деревню Гнилевичи, – фельдфебель мельком взглянул на фото и вернул удостоверение.

– Давно пора, – машинально одобрил Беркут.

– Партизаны часто бывают там, и даже оставляют у местных крестьян своих раненых. Кстати, вы с группой тоже в Гнилевичи?

– Вообще-то, нам, фельдфебель, нужно в Оржицу. Но там, в кузове, девица-полька… – перешел «обер-лейтенант» на полушепот. – Она хоть и полька, однако давно и старательно доносит нашей разведке на поляков… Так вот, приказано подбросить ее к Жечникам, чтобы пожила там какое-то время, и чтобы потом нам не приходилось прочесывать эти самые Жечники вслепую, как теперь – Гнилевичи. Поэтому прикажите своим рыцарям поднять это бревно… – кивнул в сторону шлагбаума.

– Яволь, господин обер-лейтенант. Пропустить машину!

– Проезжай, – махнул рукой Беркут. – Проезжай, проезжай, я догоню. Не подскажете, фельд-фебель, как эти самые Гнилевичи можно объехать? Хочется, чтобы как можно меньше поляков, да и немцев тоже, видело польку в нашей машине. Надеюсь, вы понимаете, с чем это связано? Как трудно подготовить своего надежного агента, и как легко бывает провалить его.

Фельдфебель иронично осмотрел словоохотливого обер-лейтенанта, хранителя великих тайн рейха, и великодушно пожал плечами.

– По дороге объехать нельзя. Она ведет прямо в село. Но у колодца, первого, который вам попадется, можно свернуть и объехать по лугу под самым лесом. Утром мы проводили разведку. Машина там пройдет, однако у села ее обязательно проверят, там стоит пост.

– Спасибо, фельдфебель. Два железных креста вам на грудь. И вашим рыцарям – тоже. «По березовому – над каждым», – добавил он уже про себя, прыгая на подножку. – А ведь их можно было перестрелять, как думаешь, Арзамасцев? – спросил он, глядя на побледневшее лицо ефрейтора, все еще инстинктивно сжимающего в руке немецкий автомат.

– Зачем ввязываться, лейтенант? Зачем ввязываться?! – нервно отреагировал тот. – Лучше вообще бросить эту машину и дальше пробираться пешком. Так

спокойнее и надежнее. Ты же видишь, что все дороги перекрыты. Эти олухи не стали придираться, так на следующем посту затормозят. Причем навечно.

– Привыкай, ефрейтор, дорога нам предстоит далекая: успеем и пешком, и ползком. Кстати, Анна, там, у шлагбаума, для тебя тоже нашлась роль.

– Быть вашей общей любовницей? – с большим усилием воли заставила себя улыбнуться полька. Андрей должен был отдать ей должное: она старалась не трусить. И ей это даже порой удавалось.

– Не любовницей, а любимицей. Мы – спецгруппа. Ты – тайный агент гестапо. Мы везем тебя в Залещики, где ты должна будешь какое-то время поработать. Только что я испытал эту легенду.

– Спасибо, пан лейтенант-поручик, – неожиданно серьезно проговорила Анна. – Я согласна.

– Правда? Чудесно. Тогда входи в роль.

– Я согласна на любую роль, только бы остаться с вами. Правда, боюсь, как бы кто-то из поляков так и не запомнил меня в роли агента гестапо. А то ведь потом не отмоешься, повесят.

– Ну, особо распространяться о твоих «связях с гестапо» мы не станем. Однако об этом мы еще поговорим.

– Обязательно поговорим, – оживилась Анна. И ни для кого из мужчин не осталось незамеченным, что поговорить с лейтенантом ей хотелось вовсе не о вымышленной службе в гестапо.

«А ведь роль действительно заинтересовала ее, – отметил про себя Беркут, садясь в кабину. – Ее бы немного подготовить, и могла бы стать неплохой разведчицей. Да только не в нашей группе решать ее судьбу».

Он вспомнил, как упорно настаивала Анна на том, чтобы они взяли ее с собой. Как буквально с оружием в руках отстаивала свое право быть с ними. И становилось ясно: обиженная судьбой девушка вдруг поняла, что в этой войне

без нее не обойдутся; точно так же, как и ей от войны не спрятаться, и на хуторке не отсидеться.

Весь опыт войны в тылу врага подсказывал лейтенанту, что именно из таких людей получаются самые стойкие партизаны, самые настойчивые истребители врага.

– И все же мне непонятно, почему эти, у шлагбаума, проверили только ваше удостоверение, к тому же слишком бегло, – молвила Анна. – Почему не принялись проверять всех нас? Даже не заглянули в кузов машины.

– Потому что я вышел из машины и смешался с ними. Я видел, как фельдфебель сомневался, решался, и все же в конце концов струсил.

– Значит, он все-таки заподозрил, что мы не те, за кого выдаем себя?

– По-моему, да.

– Тогда он тотчас же сообщит о нашем появлении в этих краях.

– Никому и ничего он сообщать не станет. Иначе пойдет под суд за халатность и трусость. В таких случаях люди предпочитают молчать, полагаясь на то, что, может быть, как-то обойдется.

3

Поднявшись на небольшой холм, на вершине которого досматривал последние сны древности позеленевший от интриг и времени замок графа Гальчевского, Штубер почти инстинктивно осмот-релся.

Справа, на северо-востоке от поместья, разгоралась довольно мощная артиллерийская дуэль. Слева, в створе между краем леса и шпилем костела, помпезно раздвигалась багровая ширма пожара, на который медленно, словно уставшие журавли на предзакатное солнце, потянулись друг за другом звенья тяжелых русских бомбардировщиков. Плотно прикрываемые истребителями и

штурмовиками, они презрительно миновали прифронтовую линию, устремляясь куда-то в глубь обороны, очевидно, к расположенной в двадцати пяти километрах отсюда узловой железнодорожной станции.

– Как величественно они летят, – не удержался Штубер, прослеживая поднебесное шествие этого «клина».

– Как убийственно они летят…

– В том-то и беда, что мы с вами – обычные солдафоны, фельдфебель, – не согласился барон фон Штубер, все еще провожая взглядом этот смертоносный клин. – Мы не способны проникнуться величием войны, той ее ораторией и теми пейзажами, которыми она безнадежно пытается облагораживать нас.

– Позволю себе напомнить, господин гауптштурмфюрер, что чаще всего это «облагораживание» завершается отпеванием. Причем церковный хор обычно заменяют залпы русских «катюш».

– …Что уже само по себе тоже величественно, Зебольд! – очарованно повертел головой командир отряда «Рыцарей рейха».

– Не знаю, не знаю, под залпами «катюш» видеть вас пока что не приходилось, – по-иезуитски ухмыльнулся Вечный Фельдфебель.

– Вы устали, Зебольд, поэтому вашими устами говорит сама усталость. Поле боя – это Мекка рыцарей-романтиков. А вы, наш смертельно уставший рыцарь, уже не способны воспламеняться благородством риска и на могилах восхищаться подвигами падших героев.

Вот уже третий день подряд Кирдорф с удивлением выслушивал странные диалоги, разгоравшиеся между диверсантами из группы Скорцени, со страстным желанием непосвященного пытаясь понять: то ли эти «фридентальские коршуны» принимают его за законченного идиота, то ли они всего лишь наслаждаются своим собственным идиотизмом. Но, в какую бы сторону чаша его сомнений ни склонялась, предпочитал благоразумно помалкивать.

– Что там у вас происходит, гауптштурмфюрер?! – возник в телефонной трубке жесткий голос полковника Лоттера.

– В зоне действий моей группы «Рыцари рейха» все спокойно, – заучено и беззаботно отрапортовал барон.

– Я – о том, что пробиться к вам, гауптштурмфюрер, труднее, чем на прием к английской королеве! – все тверже наседал на Штубера полковник. Но, несмотря на всю мыслимую жесткость, высокий мелодичный голос его доносился с амвона армейского штаба, словно из глубины органа.

– Если учесть секретность нашей группы…

– Идите вы к дьяволу, барон. В такие часы вы должны быть на связи.

– Можно подумать, что вы способны чем-то удивить меня, господин полковник, – продолжал Штубер взлохмачивать полотенцем мокрые волосы. Как командир группы «Рыцари рейха», Штубер подчинялся только Скорцени, и в предписании, которым определялись его полномочия, так и было сказано, что, подчиняясь отделу диверсий Главного управления имперской безопасности (РСХА), в боевых условиях он действует самостоятельно, исходя из ситуации.

– При встрече со мной вы упоминали о каком-то русском диверсанте, который, по одним данным, затерялся где-то в украинских лесах, по другим – скитается под вымышленным именем по нашим лагерям в Польше.

– Следует предположить, что вам удалось обнаружить крематорий, из трубы которого душа его богоугодно отправилась в рай, – без тени иронии высказал догадку Штубер.

Он давно был знаком с полковником, поэтому позволял себе подобные саркастические вольности, на которые Лоттер обычно реагировал с той же долей сарказма.

– Никакое богохульство, барон, не избавит вас от необходимости выставить мне бутылку коньяку.

– Разве мы заключали пари?!

– Диверсант этот обнаружился. Он у нас.

– Где… обнаружился? – замер Штубер с полотенцем на затылке. – Где это «у нас»? Побойтесь Бога, полковник, все это куда серьезнее, чем вы предполагаете.

– «У нас» – это значит, что в данную минуту он все еще пребывает в штабе пятой пехотной дивизии.

– Не может такого быть. Хотите сказать, что лейтенанта Беркута опять взяли в плен?

– Беркут – это его диверсионная кличка? Мне об этом не доложили.

– Да нет, это вообще неправдоподобно, – все еще не способен был поверить его сообщению командир «Рыцарей рейха». Послушайте, господин полковник, с меня две бутылки коньяку, только ради дьявола!..

– Несколько дней назад он прорвался через линию фронта на русской «тридцатьчетверке», которую умудрился захватить, предварительно перебив экипаж. А затем пытался идти по нашим тылам до самого Берлина. Зачем это ему понадобилось, понять сложно.

– А что, это в его стиле, полковник, – удивленно взглянул Штубер на застывшего напротив него Зебольда.

– Объявился Беркут? – вполголоса спросил тот, инстинктивно нащупывая пальцами кобуру. Но гауптштурмфюреру было не до объяснений.

– Повторяю: в его стиле. Но из этого еще ничего не следует. И потом, не может быть, чтобы он успел побывать за линией фронта и вернуться. Как вы сказали: «На русской “тридцатьчетверке”, предварительно перебив экипаж»?! – Штубер вопросительно взглянул на Вечного Фельдфебеля. Тот поспешил пожать плечами, отстраняясь от каких-либо предположений, но тут же вполголоса предположил:

– Обычно коммунисты не доверяют тем, кто вернулся из-за линии фронта, даже если знают, что он партизанил. Разве что Беркут бежал из-под ареста?

– Так все и было, на русском танке. К тому же – прихватив с собой некоего русского немца, бывшего поручика Белой гвардии, барона фон Тирбаха, и какого-то капитана вермахта, которого умудрился освободить из русского плена.

– Постойте-постойте, а сам Беркут, он что, сдался нам в плен?! Хотите сказать, что, сидя в «тридцатьчетверке», он перешел на нашу сторону? Чем он вообще объясняет свое появление здесь?

– Требует, чтобы его свели с Отто Скорцени.

– Беспредельная наглость.

– Или с фюрером, – саркастически добавил Лоттер.

– Он меня, конечно, интригует, – растерянно пошутил Штубер, явственно ощущая, что шутить по этому поводу ему не хочется. Что-то в этой истории с появлением Беркута из-за линии фронта на русском танке не состыковывалось с его, Штубера, представлениями о лейтенанте Беркуте и всем тем, что гауптштурмфюрер СС знал о нем. – Кстати, мое имя этот русский проходимец не упоминал?

Начальник разведотдела штаба армии озадаченно помолчал.

– Понимаю, что такое неуважение к вам, гауптштурмфюрер, ему не простится, но о вас он почему-то не упомянул, это точно.

– Если бы вы знали, сколько крови мы попили друг у друга, – не стали бы иронизировать, – с ностальгической грустинкой в голосе молвил Штубер, чем ужасно удивил Зебольда. – Но, кажется, мы увлеклись. Где сейчас этот самый лейтенант Беркут?

– Кто-кто?!

– Я сказал «лейтенант Беркут». Правда, он мог представиться и как лейтенант Громов. Что тоже соответствует истине. «Беркут» – всего лишь кличка тех времен, когда он партизанил в нашем тылу.

– Дело не в фамилии, барон. Я не пойму, почему вдруг вы именуете его «лейтенантом».

– Уж не хотите ли вы сказать, что, прежде чем приговорить Беркута к расстрелу, коммунисты присвоили ему чин полковника?

Лоттер что-то промямлил в ответ, посопел в трубку и, как показалось Штуберу, пошарил в папке с текущими бумагами, которая всегда покоилась перед ним на столе. Как бы там ни было, но лишь после продолжительной паузы Лоттер недовольно проворчал:

– Кажется, мы не поняли друг друга, гауптштурмфюрер. Как следует из письменного донесения, которое только что положил мне на стол адъютант, речь все же идет не о лейтенанте Громове-Беркуте.

– О ком же тогда? – Штубер уже понял, что о появлении адъютанта с очередным донесением полковник явно приврал: это донесение уже лежало в его рабочей папке, просто он не удосужился внимательно прочесть его, а принялся вызванивать командира «Рыцарей рейха», полагаясь лишь на услышанное от кого-то телефонное сообщение. Да еще и намекать на бутылку коньяку! Впрочем, дело в коньяке.

– Возможно, подполковник Курбатов уже оказывался в нашем тылу, – продолжал разочаровывать его Лоттер, – однако никогда в нем не партизанил. Он – бывший белогвардейский офицер, который несколько месяцев шел со своей группой по тылам более яростных врагов – красных.

– Белые в партизаны обычно не подаются, – сконфуженно согласился с ним Штубер. – Во всяком случае, мне подобные примеры не известны.

– Как и мне тоже.

– Какое единодушие военного опыта! – не отказал себе в удовольствии барон фон Штубер.

– Мне понятен ваш сарказм, барон. Однако я подумал, что, может быть, он уже входил в состав вашей антипартизанской группы, которая действовала где-то в районе Днестра, против агентуры красных.

– Что было правдоподобнее. Как вы назвали его – «подполковник Курбатов»?!

– Еще в донесении сказано, что, по нашим разведданным, Курбатов мог проходить под псевдонимом «Легионер», или как «ротмистр Белой армии генерала Семенова князь Курбатов».

– В таком случае, мы и в самом деле говорим о разных людях.

– Теперь я уже тоже склоняюсь к такому выводу.

– Как же непростительно вы меня разочаровали, господин полковник, – попытался свести этот конфуз к шутке барон фон Штубер.

– Я всех разочаровываю, это у меня профессиональное. А вам не мешало бы знать, что – как следует из все того же сообщения, которое сейчас у меня в руке, – из Маньчжурии Курбатов вывел группу в составе десяти человек. Он прошел почти через всю Сибирь, всю Россию, прорвался через линию фронта. Взгляните на карту России, и вы поймете, какой беспримерный диверсионный рейд совершил этот парень. Если, конечно, проходимец, прорвавшийся к нам на русском танке, действительно тот, за кого он себя выдает.

– Не сомневайтесь, полковник, тот. Мне приходилось слышать о нем от Скорцени. Это действительно «проходимец», но экстра-класса, словом, наш, диверсионный проходимец. – И полковник Лоттер не мог не заметить, что в голосе командира диверсионной группы «Рыцари рейха» зазвучали нотки гордости.

– Согласен, экстра-класса. Не зря у адъютанта Скорцени, гауптштурмфюрера Родля, уже имеется целое досье на Курбатова. Об этом в сообщении тоже сказано.

– Мне бы очень хотелось взглянуть на эти бумажки. Но прежде – на самого Курбатова.

– То есть, насколько я понял, с Легионером вы абсолютно незнакомы? Рассчитывали на встречу со своим давним знакомым, лейтенантом Беркутом?

– Именно поэтому хочу взглянуть на Легионера. Тем более что судьбой этого парня интересуется сам Отто Скорцени.

– Выходит, я все же не зря потревожил вас, гауптштурмфюрер?

– С нетерпением буду ждать ваших последующих звонков, – иронично заверил его Штубер.

– Все язвите, неблагодарный вы человек, – вздохнул полковник Лоттер.

Тем не менее полковник в нескольких словах объяснил ему, как удобнее добраться до штаба пятой дивизии, куда он тоже выезжает, даже пообещал подождать его у перекрестка шоссе вместе с пятью солдатами охраны. Штубер был растроган его заботой: ездить по ближайшим тылам при таком непостоянстве передовой действительно было опасно.

– Если учесть, что со мной будет фельдфебель Зебольд, вместе мы составим грозную силу, способную устрашить хоть целый парашютный полк русских, – охотно согласился Штубер. А положив трубку, добавил, уже обращаясь к Зебольду: – Невероятная все-таки штука эта самая война. Если переживу ее, вся оставшаяся жизнь покажется скучной и банальной, совершенно недостойной таких вот, как мы с вами, азартных игроков войны.

– …На рулеточном поле которой все ставки – на вечность. При этом замечу, что, когда проходят годы войны, наступают годы благостных воспоминаний о ней, – закрыв глаза, мечтательно покачал головой Зебольд.

– Вы, как всегда, не по чину мудры, мой Вечный Фельдфебель. В этом ваш единственный недостаток.

4

Еще издали они услышали стрельбу. Затем показались клубы дыма.

Уже подъезжая к селу, партизаны видели, как немцы выгоняют людей из хат и гонят куда-то к центру села, как суетятся между постройками солдаты с факелами. Все село было окружено густой цепью фигур в мышиных мундирах и, казалось, за этим частоколом автоматов начинается первый круг ада.

Корбачу пришлось несколько раз пересекать оцепление, потому что в некоторых местах солдаты стояли даже на опушке леса или на склоне оврага, и объехать их было невозможно. Однако на их машину уже никто не обращал внимания. Все, кто видел этих по-германски обмундированных людей, считали, что они тоже причастны к акции, только принадлежат к другой части.

– У вас крепкие нервы, товарищ лейтенант, – срывающимся голосом проговорил Корбач, когда они наконец объехали село и снова выбрались на лесную дорогу.

– Обычные, солдатские, – угрюмо проговорил Беркут, нравственно казня себя за то, что не способен спасти тех людей, расправу над которыми немцы сейчас намерены учинить.

– А у меня от страха ладони вспотели. И ноги дрожат. Все казалось: вот-вот остановят и проверят, но уже основательнее, чем тот фельдфебель.

– Ничего, лес рядом, а значит, можно дать бой. И появляется шанс. Когда выполняешь задание, старайся не думать ни о смерти, ни о провале… – спокойно, очень уверенно внушал Беркут, незаметно осматриваясь по сторонам. – Вот кто ты сейчас? Ты – немец-водитель, служащий вермахта, а значит, вокруг тебя – свои, германцы. Поэтому никакого страха, никаких сомнений. Тем более что рядом твой боевой командир, обер-лейтенант… Стоп. Останови…

Андрей вышел из машины. Последнее, уже внут-ренне оцепление находилось в двухстах метрах, и останавливаться здесь было небезопасно. Но Беркут, словно испытывая нервы бойцов, стоял и смотрел на то, что творят фашисты, заставляя, таким образом, и своих попутчиков наблюдать за происходящим, молча и

мстительно сжимая магазины автоматов.

– Твоя взяла, ефрейтор Арзамасцев, – жестко заметил он, возвращаясь наконец в кабину. – В этом фейерверке наших салютов не будет.

– Так ведь зря погубил бы и себя и нас, – даже в этой ситуации попытался возмутиться ефрейтор.

– Можешь считать, что я прислушался к твоим советам. Но на всякий случай запомни, что на фронте «зря» не погибают. Можно проиграть схватку, бой, целое сражение, можно погибнуть от шального снаряда, не дойдя до поля боя, но коль ты в армии – ты уже архангел войны. А значит, и родился и погиб ты не зря.

– Тогда встрянь, лейтенант, встрянь, «архангел войны»! – все равно взъерошился Арзамасцев, наклоняясь к дверце кабины с опущенным стеклом и не желая по-мирному завершать очередную стычку с командиром. – Только здесь нас еще не хватало, давай будем встревать в каждую польскую драчку.

– Замолчи, – вдруг вмешалась Анна. – Я-то думала, что ты действительно солдат. Да не будь этого лейтенанта-поручика, ты бы…

Конца фразы Андрей не услышал. Взревел мотор – и слова девушки потонули в его реве, растворились в выхлопных газах. А мимо кабины опять начали проплывать мирные, еще не закопченные, не присыпанные пеплом стволы золотистых кленов и берез, помеченные первыми вечерними сумерками островки перелесков и разукрашенные узорами, оголяющиеся под осенними ветрами кустарники.

– Как бы нам не напороться здесь на партизан, товарищ лейтенант, – взволнованно проговорил Корбач, почти всей грудью налегая на руль.

– Божественно! Наконец-то ты начал рассуждать, как истинный солдат великого фюрера.

– Так ведь по ним и стрелять придется.

– И по ним… если придется. Что тебя смущает?

– То и смущает, что в своих стрелять будем.

– И в своих, если все же придется, – невозмутимо подтвердил Беркут.

– Но ведь…

– И еще, гренадер-кавалергард… – не стал выслушивать его лейтенант. – Пока мы в этих германских мундирах щеголяем, говорить со мной старайся только на немецком. И думать тоже. Для полноты ощущений.

Засмотревшись на Беркута, водитель забыл о дороге. Это был взгляд человека, пытающегося понять, с кем же на самом деле свела его судьба. Корбача не переставали поражать сам способ мышления лейтенанта, странности восприятия Беркутом всего того, что происходило вокруг, само понимание им войны и солдата на ней, его жизни и смерти.

Обычно лейтенант старался не реагировать на взгляды своих солдат, какими бы чувствами они ни были пронизаны, однако на сей раз не удержался:

– Как-то странно ты взглянул, Корбач. Что-то хотел сказать, но не решился?

– Подумал, что войны как раз и начинаются такими людьми, как вы. Потому что чувствуете себя в ней так, словно только для боев и походов созданы.

– Не такими, Корбач, не такими. Начинают их другие – дипломаты, политики. Но, очевидно, для таких, как я, – с этим можно согласиться.

– Но ведь таких немного, – проворчал Корбач. – Людей, которые немилосердно боятся этой войны, чувствуют себя на ней растерянными и жалкими, – значительно больше.

Беркут хищно ухмыльнулся и, отвернувшись, долго смотрел в боковое стекло. Лишь когда Корбач убедился, что ответа не последует, он вдруг сказал:

– Таких, всю войну пребывающих в растерянности и страхе, значительно больше. Но, возможно, только в этом и спасение человечества.

5

В штабе дивизии их уже ждали. Начальник разведки – словно бы вытесанный из дубовой колоды розовощекий коротыш, – медленно пережевывая не то что каждое слово, но каждый отдельный звук, уверенно доложил:

– Господин полковник, диверсанты нами обезоружены…

– Вот как? – удивленно потянул Лоттер, бросая взгляд на гауптштурмфюрера.

– Как вам это удалось, подполковник? – тотчас же поинтересовался Штубер. И вообще, все, что происходило здесь, в ближайшем прифронтовом тылу, вызывало у него едкий сарказм. Ему трудно было что-либо воспринимать всерьез.

– Они обезоружены и взяты нами под арест, – не успел среагировать подполковник.

– И где же эта ваша мрачная Бастилия?

– Сейчас все трое находятся под надежной охраной, – медленно шевелил челюстями разведчик, который, по глубокому убеждению Штубера, вряд ли когда-нибудь не то что пересекал линию фронта, а хотя бы появлялся на передовой.

– Кажется, вы уже сообщали об этом, господин Ульрех, – попытался напомнить ему Штубер, однако и на сей раз сбить подполковника с толку не сумел.

Правда, он немного замялся, как боксер, которого слегка повело после сильного бокового в челюсть, однако до вмешательства рефери дело не дошло:

– Пока что они ведут себя смирно, – мужественно продолжил он свой доклад. – Ждут своей участи.

– Мы-то опасались, что они разгонят все ваше воинство, – продолжал комментировать доклад Ульреха гауптштурмфюрер Штубер.

Полковник Лоттер сохранял при этом философско-аристократический нейтралитет, оставаясь выше всей этой, явно недостойной офицеров, вежливой перебранки.

– На предварительных допросах диверсант, называющий себя поручиком фон Тирбахом, и диверсант, называющий себя капитаном вермахта фон Бергером, сообщают какие-то совершенно невероятные вещи.

– Что их доставили сюда на «солнечных дисках»[2 - Так в те времена именовали НЛО, нынешние «летающие тарелки».]? Нет? Тогда чем они вас так поразили?

– Простите, о каких «солнечных дисках» идет речь? – обескураживающе поинтересовался подполковник, только сейчас догадавшись извлечь из небольшого сейфа бутылку коньяку и налить обоим гостям по рюмочке.

– Это я так, почти пошутил, – сдался Штубер, понимая, что он со своей ироничностью окончательно выбил Ульреха из привычного мировосприятия. – Курбатов и его спутники, что, действительно балуют вас интересными подробностями своего трансконтинентального рейда?

– Они и вас поразят, – вдруг проклюнулось в сознании Ульриха некое подобие мстительности. – Это истинные солдаты и истинные арийцы. Если только не продались коммунистам, – все же подстраховался подполковник.

– Так они что, все трое – германцы? – спросил фон Штубер, вкусив знаменитого напитка Франции. Вводить подполковника в дебри космического тайнознания он счел несвоевременным.

– Командир – чистокровный славянин. Утверждает, что родовой князь, служил ротмистром в белоказачьей армии генерала Семёнова.

– Меня умиляет ваша недоверчивость, подполковник. Один называет себя поручиком фон Тирбахом, другой считает себя капитаном вермахта… Кто же они на самом деле? Вы хоть пытались выяснить? Я, конечно, понимаю: специфика

профессии. Но нельзя же, в самом деле, вот так…

– Обычные меры предосторожности, – замедленно, невозмутимо проговорил Ульрех. – Командир группы отказался отвечать на самые важные вопросы до тех пор, пока не появится кто-либо из штаба армии. Мы, естественно, могли бы его заставить, но…

– Понимаю, сработало ваше благоразумие, – наконец-то вклинился в их странный диалог полковник Лоттер, спасая самолюбие своего подчиненного.

– При этом Курбатов требует связать его, с кем бы вы думали?..

– Ну вот, а вы сомневаетесь, что имеете дело с князем, – уже более миролюбиво обронил Штубер. – Любой славянин ведет себя похлеще нашего маркграфа. Что уж говорить о князьях.

Ульрех томительно поморщил лоб, пытаясь понять, к чему клонит один из ближайших соратников Скорцени, или по крайней мере попасть в струю его игриво-идиотского настроения.

– Словом, он настоятельно требует связать его… – повторил подполковник.

– … С «самим» Скорцени, – с грустной миной «угадал» гауптштурмфюрер.

– Точно! – удивленно уставился на него подполковник.

– Приведите ко мне этого князя. Предварительно уведомив его, что прибыл офицер из отряда Отто Скорцени, который совсем недавно принимал участие в операции по похищению Муссолини. – Штубер сообщил это не столько для Курбатова, сколько для самого Ульреха. – Надеюсь, он окажется намного доверчивее вас.

– Надеюсь, – безропотно признал подполковник, явно теряя нить логики этого диверсанта.

– И еще: в этом особняке найдется отдельная комнатка, в которой можно было бы поговорить с русским тет-а-тет?

– Конечно, найдется, – охотно заверил его Ульрех. И немного замявшись, сказал: – Хотя нам с полковником очень хотелось бы присутствовать при этой беседе.

6

Сразу же за поворотом дорога поползла на возвышенность, петляя между двумя стенами густого леса, кроны которого смыкались над машиной так, что иногда казалось, будто они проезжают туннель.

Беркут взглянул на трофейные швейцарские часы, еще недавно принадлежавшие обер-лейтенанту. Пять минут восьмого. Но здесь, в лесу, солнца уже не видно, небо намного темнее, чем на равнине, словно в нем отражается загустевшая синева верхолесья, поэтому казалось, что уже давно наступил поздний вечер, так и хотелось отыскать взглядом первые звезды.

На Подолии, вдоль таких лесных дорог, немцы успели вырубить все деревья и кустарники метров на пятьдесят, чтобы более или менее обезопасить себя от внезапного нападения. И сейчас, приказав группе усилить внимание и приготовиться к бою, лейтенант впервые подумал, как пришлась бы кстати эта немецкая предусмотрительность здесь, где их машина может стать легкой добычей партизан.

Словно подтверждая его самые мрачные предчувствия, впереди вдруг послышались сначала ружейная и автоматная стрельба, а затем, стараясь заглушить собственное несуразное эхо, зачастили два пулемета, по звуку которых Беркут сразу определил: немецкие.

«Да ведь с той стороны немцы тоже должны были выставить заставу! – запоздало осенило Анд-рея. – На нее-то партизаны и наткнулись. А если бы не застава? Тогда наверняка последовало бы нападение на нашу машину!»

– Что делаем? – встревожено спросил Корбач.

– Лейтенант, вон они, на вершине возвышенности. Там пост. И там уже бой! – прокричал Арзамасцев. – Бросаем к чертям эту таратайку, уходим в лес.

– Спасибо за сведения, ефрейтор! Продолжай наблюдение! А ты, Звездослав, выползай потихоньку, выползай. Машина нам еще пригодится.

Решив, что к немцам спешит подкрепление, партизаны, до этого яростно наседавшие со стороны села, сразу же рассеялись по лесу. Шестеро прибывших сюда на двух мотоциклах немцев с трудом верили в свое спасение.

– Господин обер-лейтенант, господин обер-лейтенант! – чуть ли не на четвереньках, не решаясь подняться во весь рост, подбирался к машине старший этой заставы – молоденький прыщеватый обер-ефрейтор. – Вы прибыли вовремя. Если бы не вы… Словом, партизаны отошли к селу.

– Да что вы говорите?! – откровенно поиздевался над ним Беркут. – И вы позволили им уйти?

– Их было около восьми человек.

– Да хоть бы около ста восьмидесяти. Поднимитесь, обер-ефрейтор, и доложите, как положено.

– Но они еще недалеко! – медленно и натужно, словно каждую косточку в отдельности разгибал, выпрямлялся перед ним начальник патруля. – Это было неожиданное, дерзкое нападение.

– То есть партизаны забыли вас предупредить? Понимаю ваше возмущение: совсем озверели!

Обер-ефрейтор был уверен, что прибывшие на машине тотчас же бросятся в погоню за партизанами или хотя бы приготовятся к бою, однако этого не произошло. Офицер молча вышел из кабины и, не подавая никаких команд, невозмутимо осмотрел поле боя.

Видя, что он стоит во весь рост, а его люди спокойно сидят в кузове, мотоциклисты тоже немного успокоились и начали осторожно подниматься, кто

из-за дерева, кто из-за камня или из лощины.

– Одного мы все-таки убили, господин обер-лейтенант! – сообщил кто-то из них. – Вот он, повис на пне!

Двое солдат сразу же бросились к убитому и, подхватив его под руки, притащили к ногам Беркута. Партизану было лет семнадцать, не больше. Он все еще судорожно вздрагивал, но перевязывать его прошитую автоматной очередью грудь уже было бессмысленно. Пока «обер-лейтенант» осматривал его, те же солдаты притащили своего, раненного в бедро, ефрейтора.

Пулеметчики опять уселись в коляски замаскированных в кустах мотоциклов, дали еще несколько очередей по кустам, но в ответ выстрелов не последовало. Немцы сразу же угомонились и попытались засыпать офицера вопросами:

– Как идет акция, господин обер-лейте-нант?

– Она уже закончилась?

– Нас сменят?

– Быстро перевяжите раненого, – последовал один-единственный ответ. – И прекратите болтовню. Проверьте мотоциклы. Раненого – в машину. Будете сопровождать меня до Жечников.

– Но ведь наших там нет, господин обер-лейтенант, – неуверенно возразил начальник патруля.

– Именно поэтому вам и приказано сопровождать нас.

– Да и село, насколько мне известно, партизанское. Появляться в нем на ночь глядя…

– Расстояние до села?

– Километра три.

– Через полчаса мы должны быть там.

– Да нам и километра проехать не дадут! – буквально взмолился обер-ефрейтор. – Перестреляют.

– Это приказ. И не теряйте времени. Да, партизана положите у дороги. Крестьяне его похоронят. Автомат и патроны – отдайте моим людям. Вы, обер-ефрейтор, на своем мотоцикле едете первым. Второй мотоцикл следует за машиной.

Андрей так и не понял: то ли начальник патруля заподозрил что-то неладное, то ли все еще не мог оправиться после испуга. Да только слишком уж угрюмо и подозрительно осмотрел он невесть откуда появившихся здесь офицера и его машину, проверил магазин своего автомата, и только потом уже дрожащим голосом велел своим подчиненным выполнять приказ господина обер-лейтенанта.

– Вы видите среди моих солдат вон ту польку? – решил немного успокоить его Беркут, отведя чуть подальше от машины.

– Значит, она все же полька… – покачал головой обер-ефрейтор. – Я так сразу и решил.

– Так вот, хотя я и не имею права разглашать эту тайну… Но, чтобы между нами не возникало никакой недосказанности… Это не просто полька, это секретный агент гестапо, – едва слышно проговорил Беркут, подчеркивая конфиденциальность разговора, – которую специально переправили сюда из Кракова.

– Эту?! – скептически осмотрел девушку обер-ефрейтор. – Как секретного агента? Из Кракова?!

Он не то чтобы не верил Беркуту, он в принципе не желал воспринимать поляков в образе союзников. А уж тем более – таких вот смазливых полек!

– Тем не менее, – не стал разочаровывать его лейтенант, – приказано во что бы то ни стало доставить ее в деревню. Причем условлено: в случае нападения

партизан мы отступаем, а полька бросается в их объятия, благодаря за спасение.

– И оказывается в партизанском отряде! – озарилось лицо обер-ефрейтора, как у мальчишки, которому случайно удалось разгадать слишком запутанную загадку.

– Вот видите, как вы все правильно поняли.

– Но теперь действительно все проясняется, – облегченно вздохнул обер-ефрейтор. – Хорошо, что вы сообщили мне об агенте. Это многое объясняет. Я скажу своим, что с этой минуты мы выполняем спецзадание гестапо.

– Но без каких-либо подробностей! – великодушно позволил обер-лейтенант.

Через несколько минут после того, как раненого перевязали и усадили в коляску мотоцикла, колонна тронулась в путь. Дорога была слишком узкой, и кроны деревьев сходились прямо над кабиной. Очевидно, она проложена была крестьянскими повозками, никто о состоянии ее не заботился, и теперь она представала в образе классической лесной бандитской дороги, на которой за каждым кустом, каждым изгибом следовало ожидать засады.

И лишь когда машина, натужно взревев, поднялась на невысокое плоскогорье, лес немного расступился, открывая взору путников, с одной стороны – широкую, усеянную валунами и небольшими скалами, долину, а с другой – окаймленные небольшим кустарником холмы.

Ощущая близость врага, Корбач и те трое в кузове уныло притихли. Беркут же, наоборот, чувствовал себя вполне спокойно и почти умиротворенно. Теперь он почему-то был уверен, что оставшиеся километры они преодолеют без особых приключений.

Холмистая местность, которой они продвигались теперь, напоминала невысокое предгорье – удивительно красивое и совершенно неподвластное ни войне, ни человеческим тревогам. Беркута так и подмывало остановить машину, объявить привал и хотя бы несколько минут полежать в густой, нетронутой траве.

«Странно, что партизаны так поспешно ушли! – вдруг возмутился он, как только колонна оставила район недавней стычки. – Это что за война такая?! Они ведь в лесу, а значит, на своей территории. Хотел бы я видеть партизанского командира, который, имея в своем подчинении шестерых бойцов, так безнаказанно позволяет немцам выбираться из лесу».

– Вояки хреновы! – не удержавшись, проговорил он вслух.

– Немцы? – не понял его Корбач. – Да, теперь это уже не те немцы, которые были в начале войны. Спеси меньше, трусливее стали. Вон, сопровождают нас, как миленькие, хотя командир их поначалу явно заподозрил что-то неладное.

– И заподозрил, и сопровождают, но только я сейчас не о немцах, а о партизанах. Потому что и сами мы – не кто иные, как партизаны.

Корбач пожал плечами, удивленно взглянул на Громова и, осторожно объехав вслед за ведущим мотоциклом огромную колдобину, тоже вдруг возмутился:

– А что вы имеете против наших польских партизан? Они ведь напали, дали бой, одного из своих потеряли…

– А что это за нападение такое, когда партизаны в лесу внезапно нападают на каких-то там шестерых немцев, а стычка завершается тем, что, потеряв одного своего убитым и лишь одного немца ранив, они бегут черт знает куда, позволяя оккупантам чувствовать себя хозяевами даже в лесу? Вот почему еду сейчас и думаю: неужели они так и не нападут на нас?

– Партизаны?! На нас?! – удивился ходу его мыслей Звездослав.

– Мы ведь в германских мундирах, – напомнил Беркут.

– Зачем им второй раз испытывать судьбу? Убежали после первого боя в лесу – и слава богу!

– Дело не в том, в каких мундирах мы с тобой, Звездослав, – твердо отрубил Беркут, – а в том, что так воевать, как воюют эти партизаны, по принципу: «постреляли-убежали» – нельзя. Партизанская война тоже имеет свои законы.

– Странно, а я всю дорогу только о том и молил, чтобы партизаны не вернулись и не обстреляли нас. Только о спасении нашем и думал. О спасении – и ни о чем другом. Наверное, вы все же настоящий офицер. Анна как-то раз так и сказала: «Я видела офицеров, но Андрей – это офицер настоящий. Как римлянин – во главе своего легиона».

– Ну, если уж даже Анна так похвалила меня! – иронично ухмыльнулся Беркут. И в то же мгновение заметил, что передний мотоцикл исчез.

Выглянув из кабины, он увидел, что мотоциклист загнал свою машину за стволы двух сросшихся кленов, а сидевший в коляске за пулеметом обер-ефрейтор привстал и молча показывает рукой куда-то вперед.

– Засада? – вполголоса поинтересовался Беркут, буквально вываливаясь из машины.

– Пока неизвестно. Руины. То ли сожженный лесной хутор, то ли окраина деревни.

– Вообще-то, партизаны в таких местах засад обычно не устраивают, – произнес лейтенант. – Пепелище посреди большой поляны… Нужно быть идиотом, чтобы решаться останавливать колонну противника в такой местности. Поэтому спокойно двигайтесь дальше.

7

Болотистая равнина упрямо уводила к отрогам известковой гряды, а разбросанные по ее лугам синеватые озерца смотрели на мир, как незакрытые глаза убиенных, – умиротворенно, всепрощающе, мертвенно отражая холодное безразличие небес ко всему происходящему на земле.

Вглядываясь в них, Штубер уже в который раз ловил себя на мысли, что, в общем-то, он вполне мог остаться на одной из таких вот холодных болотистых равнин – в России ли, в Украине, в Польше или в Чехии…

В том, что он все еще взирает на этот мир не с заоблачной обители грешников, а с грешной земли, есть нечто противоестественное, в самой сути своей неправдоподобное. Если верить, что любимые богами умирают молодыми, то ему давно пора сидеть за пиршественным столом Валгаллы вместе со многими германскими воинами-предками.

– …Что вы на это скажете, Зебольд? – спросил он таким тоном, словно еще не успел вырваться из полусонного бреда.

– Должно быть, Курбатов, этот несчастный, чувствует себя очень счастливым.

– И его можно понять. – Задавая свой «глубокомысленный» вопрос, Штубер, конечно же, имел в виду не рейд Курбатова, а те возвышенные философские материи бытия, в которых только что позволял себе так безответственно витать. Но не мог же он требовать от, в общем-то, неплохого служаки фельдфебеля Зебольда, еще и умения читать мысли!.

– Пройти по тылам врага тысячи километ-ров! – восхищенно молвил Зебольд. – Многие ли из наших «фридентальских курсантов» могут похвастаться этим?

– Такие, как Курбатов, – это «вольные стрелки», фельдфебель. Всегда завидовал им. Терпеть не могу каких-либо заданий, когда ты намертво связан временем, местом, характером объекта. Нет, Зебольд, это не по мне. Если уж уходить в тыл врага – то только «вольным стрелком».

– Уверен, что этот проходимец – из истинно, принципиально «вольных».

– Но спрашивал-то я, фельдфебель, не об этом. Просто вдруг увидел себя лежащим между вон теми озерцами, с незакрытыми, устремленными в небо глазами. Как вещий сон.

– Теперь мы все чаще остаемся именно в таком состоянии: непогребенными, неотпетыми, с незакрытыми глазами… – бесстрастно подтвердил Зебольд. О смерти он всегда рассуждал как о чем-то отвлеченном, лично его совершенно не касающемся. – А парень, тот, русский… он хоть и русский, однако стоит того, чтобы угостить его сигаретой. Если таковая к тому времени окажется у меня в кармане.

– Но мы-то с вами ждали Беркута.

– Не мог тот лейтенант столько продержаться. Он, напропалую искавший смерти…

– «Не мог» – это не о нем. Мне почему-то кажется, что Беркут все еще где-то здесь, на полях Польши.

– Это дьявольский дух его витает над этими нивами, – объяснил Зебольд, – вдохновляя таких же «самоубийц войны», как и он.

– Вот почему мне все чудится, что он где-то неподалеку! – улыбнулся Штубер. – Правда, пошел слух, что вроде бы он не расстрелян, а пребывает в лагере военнопленных. Наверное, видели кого-то похожего. И еще… этот недавний побег из эшелона.

– Ну, мало ли кто нынче, конец войны почуяв, убегает! Попался бы нам тот обер-лейтенант, что вроде бы пощадил его во время расстрела. Можно было бы кое-что выяснить. И вообще, мне не совсем понятно, какого дьявола мы разыскиваем этого лейтенанта: чтобы обезвредить или чтобы наградить Железным крестом?

– И тем самым окончательно обезвредить. Вознаградив этим самих себя. Я понимаю, что подобная философия выше вашего фельдфебельского миропонимания, Зебольд. Тем не менее…

– Для меня он – все тот же, обычный русский. Пристрелю при первой же возможности.

– В таком случае мне придется пристрелить и вас. Предварительно предав земле и оплакав.

– Расстреливать, предварительно предавая земле? Никогда не сталкивался с подобным видом казни.

– Вы станете первым, на ком он будет испытан, мой фельдфебель.

– Я, конечно же, ослышался.

– Но если мыслить масштабно, то надо согласиться, что Беркут – диверсант особого пошиба. И если мы с вами все еще не осознали этого, мой Вечный Фельдфебель, то грош цена всему тому опыту, который приобретали на полях войны да по партизанским лесам, начиная с лета сорок первого.

– Понимаю, ценить достоинство врага…

– Не в этом дело. Мы, диверсанты, – особая каста. Скорцени исторически прав в своих попытках собрать лучших «рыцарей диверсионных кинжалов» под одним «плащом», за стенами замка Фриденталь[3 - В замке Фриденталь, неподалеку от Берлина, располагались так называемые «Фридентальские курсы», которые опекал Отто Скорцени и на которых готовили супердиверсантов и будущих руководителей повстанческих, национально-освободительных движений, из «неофитов», представлявших многие народы мира.].

– Фриденталь давно должен был стать всемирным диверсионным центром, – пробубнил Вечный Фельдфебель только для того, чтобы поддержать разговор. Он помнил, что Штубер терпеть не может молчаливых собеседников.

– Который бы собирал за своими стенами лучших из лучших диверсантов, – вдохновенно продолжил барон, – независимо от их национального происхождения, веры и того, на чьей стороне они сражались в эту войну.

– Даже так? Фюрер, возможно, и согласится с вашими намерениями, барон, а вот Геббельс – никогда.

– Собрать, сохранить, – не стал предаваться его сомнениям Штубер, – чтобы затем, когда пыль бомбежек уляжется и будет время осмотреться, – приступить к созданию новой Европы. Нашей, элитарной Европы.

Теперь уже Зебольд мрачно промолчал. Лично он, Вечный Фельдфебель, всегда считал, что супердиверсантов следует готовить исключительно из германцев, а представители всех прочих народов в лучшем случае могут рассчитывать на судьбу подмастерий. И не более того.

Однако Зебольд понимал, что не готов к спору со своим командиром, который в любом случае окажется мудрее. Да и сам барон понимал, что доказывает сейчас

не столько Зебольду, сколько самому себе. Причем то, что, собственно, уже давно доказано… «первым диверсантом рейха».

Штубер, конечно же, прибыл сюда, на Восточный фронт, вовсе не для того, чтобы разыскивать лейтенанта Беркута. С этой целью его попросту никто не отрядил бы. Здесь, в разведотделе армии, проходили стажировку четыре курсанта «Фридентальских курсов» Скорцени, и барон обязан был проинспектировать их, узнать мнение о «фридентальских коршунах» командования армии и разведотдела. Попутно он уже дважды выступал в роли консультанта командиров зондеркоманд, пытавшихся очистить тылы армии от польских партизан и русских диверсантов. Но, увлекшись, опять создал свою собственную группу, под старым названием – «Рыцари рейха».

Кроме того, Штубер лично подготовил группу диверсантов из бывших русских пленных, которую только вчера переправили через линию фронта. Знал бы он раньше, что где-то неподалеку, в советском тылу, находится группа князя Курбатова! Можно было бы составить очень даже неплохую диверсионную комбинацию. Но вот именно: знал бы!..

«Виллис» полковника Лоттера уже поджидал их на развилке дорог. Сам полковник не спеша прогуливался по краю шоссе, рассекающему своим старым булыжным телом большой лиственный массив, словно аристократ – по аллеям собственного парка. Уверенности ему придавало то, что в двух метрах от него стояла машина с солдатами, которые сразу же взяли под наблюдение обе опушки.

– Э, да в штаб дивизии мы с вами, полковник, прибудем с фельдмаршальским эскортом! – приветствовал его Штубер, неохотно оставляя мягкое сиденье.

– С первого знакомства с нами русские диверсанты должны проникнуться величием рейха и его воинства, – сухопарый седовласый полковник был похож на доктора философии. Сотворению этого же образа служила его медлительность и некоторая профессорская отвлеченность.

Иронии Штубера он не воспринял, да и вряд ли вообще когда-либо воспринимал ее, в чьей бы то ни было интерпретации. Поэтому каждое слово произносил, задумчиво глядя на небеса, словно изрекал саму сущую мудрость мироздания.

– Позволю себе заметить, гауптштурмфюрер, что какими бы захватывающими диверсионными подробностями ни делились с нами эти диверсанты-«маньчжуры» и прочие японские выкормыши…

– Насколько мне известно, группа подготовлена разведкой белой армии русского генерала Семёнова, – попытался остепенить его Штубер, пользуясь теми сведениями, которые были получены им и от самого Скорцени, и от его адъютанта, гауптштурмфюрера Родля.

– Финансируемой японским правительством, – жестко возразил Лоттер, считая, что убедительнее аргумента попросту не существует. – Так вот, как бы Курбатов ни умилял нас своими подвигами, и какие бы предложения мы им в конечном итоге ни делали, они должны понять и почувствовать, что Германия – это Германия!

– Думаете, у них это получится?

– Мне непонятна ваша ирония, господин гауптштурмфюрер. Двое из этих троих – германцы. И к ним вообще должно быть особое отношение. Но и тот, русский. Мы не можем воспринимать его как представителя японской разведки. В таком качестве он нам попросту не нужен.

– Наши намеки по этому поводу будут максимально прозрачны, – в своем, все еще ироничном, духе заверил полковника барон фон Штубер.

С минуту они стояли на обочине, с такой задумчивостью осматривая окрестные поляны и перелески, словно выбирали место для рыцарского турнира или для поля битвы. В том и в том случае воинственности им хватало.

– Кстати, как, по-вашему, мы должны поступить с этими диверсантами дальше? – нарушил молчание Лоттер. – Отправить в Берлин? В ближайший лагерь? Отдать гестапо, на усмотрение его костоломов?

– Проще всего, конечно, было бы расстрелять, – побагровел Штубер, возмутившись «полетом фантазии» полковника.

– Что исключило бы всякий риск того, что они окажутся подосланными, – охотно кивнул полковник, но тут же запнулся на полуслове. – Вы это… серьезно, барон?

– Вполне. Чтобы не морочить себе голову. Но, поскольку с патронами у нас, как всегда, туговато, именно на этих парнях советую сэкономить.

Так и не поняв, что же этот прибывший из Берлина заносчивый эсэсовец собирается в конце концов предпринять, полковник вежливо козырнул в знак примирения и направился к своей машине, предоставляя Штуберу возможность возглавить колонну.

8

На возвышенности лес неожиданно расступился, и взору Беркута открылась широкая, поросшая болотистым кустарником долина, в конце которой неясно проявлялись очертания какого-то городка.

То, что добираться туда следовало по безлесной равнине, планов лейтенанта не меняло. Он понимал, что располагаться на ночлег в селе не имеет смысла. До ночи надо попытаться не только достичь этого городка, но и проскочить его, потому что завтра утром сделать это будет значительно труднее.

– Пшекручь – это небольшой городишко, у вас такие «райцентрами» называются, – объяснил Корбач, не дожидаясь вопроса.

– Я-то считал, что эти ваши Залещики находятся в дикой глуши, по крайней мере так следовало из слов Анны. Но оказывается, что рядом городишко.

– Правда, тоже в дикой глуши, – пожал плечами Корбач.

– А тебе подавай не ниже Кракова! Извини, пока что придется идти на «дикий Пшекручь».

– А мотоциклисты?

– Постараемся как-то отделаться от них. Можно было бы и… Но в селе наверняка есть полиция.

– Человек десять – не меньше. Обычный гарнизон для деревень в партизанских зонах.

Никакого поста на окраине деревушки партизаны не увидели. Обер-ефрейтор довольно быстро нашел дом старосты и, пока Беркут беседовал с ним, терпеливо ждал на улице. Староста вежливо сообщил, что больницы в деревне нет и никогда не было, а фельдшер еще неделю назад ушел к партизанам. Так что раненого придется везти в городок.

Расспрашивать его о партизанах «обер-лей-тенант» не решился, хотя и почувствовал, что староста наверняка связан с ними.

– Слушайте меня, обер-ефрейтор, – сказал он, выйдя вместе со старостой во двор. – Ситуация изменилась. Мы двигаемся в направлении Пшекруча, где сможем оставить раненого в местном госпитале. Что же касается вас, то благодарю за сопровождение, можете возвращаться на свой пост.

– Сейчас?! Туда?! – изумился обер-ефрейтор.

– Разве кто-то отменял полученный вами приказ?

– Это невозможно, господин обер-лейтенант! – прокричал немец, не скрывая своего ужаса. – Нас же еще по дороге перестреляют, не позволив добраться до Гнилевичей!

– Прекратить истерику, – жестко прервал его Беркут. – Что вы предлагаете? Вы же знаете, что акция завершится поздно вечером, и ваше командование сразу же бросится выяснять, что с вами произошло.

– Да, командование будет встревожено, и все же позвольте ехать с вами. Главное, добраться до городка, а там мы переночуем в комендатуре, – почти взмолился начальник поста. – А утром отправимся в свою часть, в Олсовице.

– Может, вы и правы, – великодушно согласился Беркут после минутного раздумья. – Посылать вас туда прямо сейчас – значит, посылать на гибель. Словом, решено: будете сопровождать нас до этой лесной столицы. Возвращайтесь к мотоциклу.

Двое солдат-мотоциклистов возились со своим товарищем, меняя ему повязку, а группа Корбача держалась чуть в стороне от машины, стараясь не контактировать с немцами.

– Значит, так, – подошел к ним Беркут, – в сопровождении эскорта направляемся к городку. Проскакиваем его и двигаемся дальше. Возможно, придется идти всю ночь, стараясь как можно скорее приблизиться к украинским лесам. Но, как бы мы ни спешили, раненого придется сдать в госпиталь.

– Кстати, о раненом. Я слышала, как он сказал своим: «Снимите меня с машины, это какие-то странные люди», – вполголоса сообщила Анна, поглядывая на машину. – Этот немец явно что-то заподозрил. Да и те двое, что перевязывают его, тоже насторожились.

– Раненого я уберу, – вмешался Арзамасцев. – Как только выедем за село. Он, гнида тифозная, больше всего старается заговорить именно со мной. Кажется, на одном ухабе я чуть слышно ругнулся.

– По-русски, – уточнил Зданиш. – Это его и насторожило.

– Раненого не трогать. Он ранен – и этим все сказано. Сдадим его в госпиталь…

– Чтобы подлечился и возник где-нибудь под Смоленском? – хищно улыбнулся Арзамасцев.

– Добивать раненых – это не по-мужски. Что же касается языка, то мы – антипартизанская диверсионная группа, выполняющая особое задание, – и этим все сказано. Я переговорю с обер-ефрейтором и потребую, чтобы он объяснил своим, так что все будет в норме. А вам, пан Зданиш, советую остаться здесь. Гражданская одежда – с вами, переоденетесь, а завтра попробуете связаться с партизанами. Лучшего случая, думаю, не представится. И высадим мы вас на краю деревни.

– Сам хотел просить об этом. Страшно ехать в чужие края, пусть даже польские, но далекие.

– Анна, как я понял, тоже остается здесь, вместе с паном лесничим? – произнося это, Беркут старался не смотреть на девушку. Он понимал, что реакция будет резкой. Так оно и произошло.

– Мне лучше знать, с каким паном и где мне оставаться, – язвительно заметила Анна. – И пока я сама не решусь уйти от вас, не смейте меня прогонять. Я не бродячая собака.

«Очередной бунт на корабле!» – улыбнулся про себя Громов. А вслух согласился:

– Решено.

Беркут коротко, но под большим секретом, объяснил обер-ефрейтору, что возглавляет спецгруппу, получившую задание внедриться в партизанский отряд, и что одного из своих людей он оставит здесь, в Залещиках, остальных – в ближайшем селе, за городком. И в связи с этим попросил успокоить раненого: пусть делает вид, что ничего не подозревает.

Когда обер-ефрейтор поговорил с раненым, Андрей приказал мотоциклистам выезжать первыми и ждать их в километре от села. Он не хотел, чтобы немцы видели, где именно, в каком доме останется Зданиш.

Свернув в один из переулков на окраине села, Беркут сам, наудачу, зашел в первый попавшийся дом, осмотрел его, выяснил, что хозяйничают там двое стариков, и решил, что наладить с ними контакт – это уже дело самого лесничего.

– Только немцам больше не попадайтесь, – посоветовал на прощание Зданишу. – А то в следующий раз меня может не оказаться поблизости.

– Да уж, – согласился тот, – во второй раз чудесного спасения не будет. Уже хотя бы потому, что дважды чудес не бывает.

– Поэтому-то на рассвете советую уйти в лес.

– Спасибо, пан лейтенант. Бог отблагодарит вас за все доброе, что вы сделали для поляков и Польши.

– Отблагодарить меня за то мизерное, что мне удалось сделать, – сдержанно улыбнулся Беркут, – Богу будет совсем нетрудно. А посему – прощайте.

Беркут проследил, как Зданиш вошел в дом, постоял еще несколько минут, словно надеялся, что тот передумает и снова вернется к машине, а прежде чем сесть с кабину, поинтересовался у раненого, как тот чувствует себя.

– Умоляю вас, господин обер-лейтенант, поскорее в госпиталь! Я потерял много крови. Это мое второе ранение, поэтому я знаю, что это такое.

– Целые народы истекают кровью, – жестко ответил Андрей. – Но вынуждены терпеть. Самое время задуматься над этим.

Тем не менее, сев в кабину, он приказал Корбачу:

– Гони. Парень истекает кровью.

– Немец истекает кровью, немец, – напомнил ему Звездослав.

– Тем более – гони, – остался верным своей логике мышления Беркут, – вдруг удастся спасти!

9

Курбатова они нашли на деревенском подворье, незаметно переходившем в речной луг. Рослый, плечистый, облаченный в китель времен Белой гвардии и опоясанный кавалерийскими ремнями, он стоял, склонившись на жердевую ограду, и наблюдал за свадебными игрищами немолодого жеребца и двух юных кобылиц.

Поддразнивая оседланного боевого коня, кобылицы то бросались к нему, подставляя свои неокрепшие крупы, то вдруг, в самый ответственный момент, уносились по высокой луговой траве в сторону реки, чтобы с призывным ржанием вспенивать плавневое мелководье.

– Какую бы диверсионную подготовку ни проходил казак, все равно в душе, в крови остается казаком, – по-русски молвил Штубер, почти неслышно приблизившись к Курбатову.

– Боевой конь – это и в самом деле в крови казака, – подтвердил подполковник и только тогда взглянул на гауптштурмфюрера.

Штубер тут же представился, затем представил прибывшего с ним полковника, который остался у крыльца, и сказал, что у него возникло несколько вопросов, которые интересуют не только его, но и Скорцени.

– О Скорцени наслышан, – слегка склонил русоволосую, с едва заметной проседью, голову Курбатов. – Вас, господин Штубер, знать не имею чести. Но готов говорить как солдат с солдатом.

Они вошли в дом, в котором хозяйничали молчаливая полнотелая украинка лет пятидесяти и, почти такого же возраста, худощавый жилистый сержант-власовец.

– Прежде всего меня интересует цель вашего рейда от Маньчжурии и почти до западных границ Совдепии, – молвил Штубер, взявшись за рюмку с самогоном, самого духа которого он терпеть не мог, и с грустью посматривая на миску с исходящей паром картошкой «в мундирах», рядом с которой стояла миска с квашеной капустой.

– Прекрасный был рейд, «сабельный», как говорит наш атаман Семёнов. Почти не скрываясь, шли; по-казачьи, не боясь. Наоборот, всех вокруг в страх повергали – армейцев, чекистов, милицию, компартейных жидомасонов. Словом, красиво, лихо шли, – решительно покачал он головой, поминая рюмкой водки тех диверсантов, которым до линии фронта дойти было не суждено, – как юнкера – в психическую атаку, под барабанную дробь.

– То есть у вас не было конкретного задания, конкретной цели?

– Какая цель, какое задание?! – по-крестьянски крякнул подполковник, припечатывая рюмку к столу и исподлобья посматривая на полковника Лоттера, демонстративно усевшегося в стороне, поскольку тот не желал принимать участия в «застолье диверсантов». – Душа казака чего прежде всего требует, господа? Куража! В сабельную атаку, в рукопашную, под пулеметный огонь, да хоть черту в зубы, – но обязательно под кураж. Иначе казак – не казак. Вот так мы и шли, господа хорошие, каждодневно рискуя, погибая, кровью врагов и собственной кровью захлебываясь, но… под наш, – повертел он кулаком перед захмелевшими, кровянистыми глазами, – особый, казачье-диверсионный кураж!

– Если под кураж, – едва прикоснулся барон губами к самогону, – то это многое объясняет. Это нам, неказакам, тоже знакомо.

Штубер коротко перевел полковнику суть сказанного Курбатовым, но тот, похоже, и сам уловил смысл, поэтому едва заметно кивнул. И тут же попросил барона поинтересоваться, каковы теперешние планы командира русских диверсантов.

– В Берлин, – все так же решительно молвил Курбатов. – Нам обязательно нужно войти в Берлин.

– Повергая своими диверсиями в ужас германские оккупационные власти? – с холодным ехидством поинтересовался Лоттер.

– Почему же «повергая диверсиями»? – спокойно парировал Курбатов. – Союзники мы…пока что. Просто мне нужно попасть в Берлин. Обязательно в Берлин.

– И тоже для куража? – лениво расковыривал вилкой одну из картофелин барон фон Штубер.

– Если хотите, и для куража. Чтобы, представ перед японским командованием, перед самим командующим Квантунской армией, атаман Семёнов мог сабельно рубануть: «А все-таки мои казаки прошли этот путь – от Харбина до столицы рейха. И сам фюрер восхищен их подвигом!» И когда газеты оповестят весь мир об этом рейде, в Европе поймут: жива еще белая армия атамана Семёнова! Есть кому держать саблю в руках, чтобы сражаться с коммунистами! Не умерло еще

русское казачество!

Штубер и полковник Лоттер вопросительно переглянулись.

– Надеюсь, вы, князь, понимаете, что по Германии вам следует пройти спокойно и благородно? – спросил полковник.

– Понимаю, конечно.

– Что любой, даже самый случайный, конфликт способен не только физически погубить вас, но и превратить из героя-казака во врага рейха?

– Но ведь вы для того и прибыли сюда, чтобы помочь мне в этом походе, – невозмутимо произнес Курбатов. – Или я что-то не так понимаю?

– Ситуацию вы оценили верно, – не стал разочаровывать его Штубер. – Накануне приезда сюда у меня состоялся телефонный разговор со Скорцени. Так вот, он готов взять вас под свое покровительство…

– Но с обязательным условием… – заметил Курбатов.

– Скорцени в «обязательных условиях» не нуждается. Он может позволить себе просто… покровительствовать. Тем не менее он хотел бы уже сегодня получить четкое представление о ваших планах на будущее и ваших действиях в Берлине.

Курбатов опустошил еще одну рюмку, съел, буквально проглотил, картошину, даже не пытаясь очистить ее, и, упершись руками о стол, какое-то время покачивался на нем, как это обычно, куражась и набивая себе цену, делают сильные, уверенные в себе люди.

– В моих ближайших планах – загул в берлинских пивных, который Скорцени вряд ли заинтересует. Как вряд ли заинтересуют его и мои походы по берлинским борделям.

– Я понимаю, что вы основательно одичали в своих маньчжурских лесах, князь, – внутренне вспыхнул Штубер. – Но если спешно не научитесь вести себя в порядочном обществе, то и сами вы Скорцени тоже вряд ли заинтересуете. Разве

что вы, князь, намерены прямо отсюда вновь отправиться через всю Россию в свою объяпошенную Маньчжурию… Но тогда нам просто не о чем говорить. Подтвердите это свое намерение, и мои люди завтра же вышвырнут вас за линию фронта, как нашкодивших котов.

Однако той естественной паузы, которая обязательно должна была наступить после подобной стычки и которой так ждали Штубер и полковник Лоттер, не наступило.

– Будет проще, если я узнаю, что именно Скорцени, или вы с полковником Лоттером, способны предложить мне, – ничуть не стушевался Курбатов.

– Вам приходилось слышать о «Фридентальских курсах», возглавляемых Скорцени? – не стал нагнетать ситуацию и барон.

– О диверсионной школе в замке Фриденталь под Берлином, – похмельно кивнул головой Курбатов, оторвав взгляд от окна, за которым старый боевой мерин все еще обхаживал норовистых, необъезженных кобылиц. – Правда, в самых общих чертах.

В течение нескольких минут Штубер посвящал диверсанта-«маньчжура» в замысел этой элитарной диверсионной школы, в которой готовили руководителей национально-освободительных движений, будущих повстанческих вождей и глав правительств; руководителей диверсионных школ и региональных резидентов разведки.

– При этом Скорцени как личный агент фюрера по особым поручениям, – заключил барон фон Штубер, – готов сразу же включить вас в состав интернациональной диверсионной группы, созданной специально для выполнения этих самых «особых поручений фюрера». И к которой имеет честь принадлежать ваш покорный слуга.

– Вот это уже конкретный разговор. С учетом, что в эту же школу будут зачислены и двое диверсантов, которые пришли со мной.

– Естественно. Мало того, я уже рассматриваю эту вашу группу, как основу группы для выполнения особых поручений в России и на ее окраинах. Куратором «диверсионных групп восточного направления», как вы уже поняли, приказано

быть мне. Что же касается атамана Семёнова, то он будет официально уведомлен о вашем прибытии в Берлин и о нашем восхищении «рейдом подполковника Курбатова».

– С того момента, когда я окажусь на улице Берлина, вступает в силу приказ главнокомандующего армией генерал-лейтенанта Семёнова о присвоении мне чина полковника.

– Вот оно в чем дело! – простодушно улыбнулся Штубер. – А я-то думаю, почему вдруг вы так рветесь в Берлин? Будем считать, что приказ этот уже вступил в силу: через два дня вы будете в Берлине. А в радиограмме, которую получат в штабе Семёнова, будет сказано, что мы «восхищены рейдом полковника Курбатова», – тотчас же уточнил Штубер, с грустью подумав при этом, как же легко даются высокие чины в армиях некоторых самозваных «главкомов-атаманов»!

– С этой минуты, – объявил полковник Лоттер как старший по чину, – вы, подполковник Курбатов, и ваши люди, – кстати, где они сейчас?..

– В деревне, знакомятся с местными достопримечательностями.

– …Так вот, вы и ваши люди, если только они обнаружатся, вступаете в полное распоряжение гауптштурмфюрера СС барона Вилли фон Штубера. Замечу, одного из тех, кто принимал участие в операции по похищению Муссолини, а также в некоторых других, не менее громких, хотя пока еще засекреченных операциях.

Курбатов удивленно взглянул на Штубера, поднялся, вышел из-за стола и, щелкнув каблуками, отвесил офицерский поклон.

– Простите, не имел чести знать об этом, барон фон Штубер. Наслышан о вашей итальянской операции, и считаю, что это диверсионная классика.

– Так подражайте же, подражайте! Вы, как мне сообщили, давно намереваетесь нанести «диверсионный визит вежливости» на подмосковную дачу Кровавого Кобы, то есть товарища Сталина, – и Штубер поднялся из-за стола. – Чтобы затем швырнуть его к ногам своего атамана. Или, может, меня неверно информировали?

– Ну, в общем-то, можно было бы и нанести такой визит, – явно подрастерялся Курбатов, пытаясь вспомнить, когда, где, а главное, в какой стадии опьянения, мог бахвалиться по этому поводу.

Он пока что не догадывался, что ничего подобного барону фон Штуберу слышать не приходилось, что тот явно блефует и откровенно провоцирует его. Однако в этом блефе уже ясно просматривалось то задание, к которому его станут готовить в школе замка Фриденталь.

– Надеюсь, вы понимаете, что, осуществив подобный «визит» на дачу, на которой Сталин проводит сейчас большую часть служебного времени, вы сразу же затмите своей славой даже славу Скорцени после его операции по похищению Муссолини? Не скрою, Скорцени – человек слегка завистливый, но обещаю, что он первым пожмет вам руку и лично представит к самому высокому ордену рейха. Кстати, есть еще один русский «диверсант от Бога» – некий лейтенант Беркут. Если нам удастся заполучить его в нашу группу, можете считать, что вам одинаково будет кого похищать – хоть Сталина, а хоть Черчилля.

Задумавшись, Курбатов несколько раз нервно повел головой, как бы мысленно полемизируя с самим собой.

– Думаю, господин Штубер, – наконец произнес он, – что в любом случае теперь у нас с вами есть идея, с которой можем представать хоть перед Скорцени, а хоть перед самим Гитлером.

– И правилна мыслите, таварищ Курбатов, – сказал Штубер, неожиданно спародировав Сталина, и держа при этом вилку так, как обычно «вождь всех времен и народов» держит курительную трубку. – Поэтому есть мнение таварищей из ЦК и лична таварища Берии, немедленна отправиться вместе с вами в Подольск.

– Зачем, позвольте узнать?

– Для асуществления вашей давнишней мечты, таварищ Курбатов, – загула в местных пивных и рейда по его провинциальным борделям.

Их сдержанный, но единодушный смех был покрепче рукопожатия «двух высоких договаривающихся сторон».

– Вы всех так лихо вербуете? – по-немецки и вполголоса поинтересовался полковник Лоттер, когда они направлялись вместе с Курбатовым к машине. Просто русский на несколько мгновений задержался, чтобы еще раз полюбоваться любовными игрищами лошадей. – Признаю: это было сделано ювелирно.

– Мой давний, стандартный метод вербовки, – иронично ухмыльнулся Штубер, пожимая плечами. – Учитесь, пока я жив, полковник абвера Лоттер.

10

При въезде в городок Корбачу нужно было свернуть на трассу, но тут его машину оттеснили две небольшие колонны, одна из которых шла по шоссе, другая выходила из боковой дороги.

– Подождем, пристроимся, – успокоил Беркут Звездослава, пытавшегося проскочить между ними. – Еще неизвестно, какую встречу готовят нам здесь.

– Думаете, успели сообщить?

– О той машине, что на хуторе, возможно, еще нет. Но что исчезла эта, в которой мы сейчас катаемся… Думаю, уже подняты на ноги и контр-разведка, и гестапо, и полевая жандармерия.

– Однако шлагбаума на въезде нет.

– А странно.

Городок показался мирным, совсем нетронутым войной. Аккуратные кирпичные домики с островерхими черепичными крышами, невысокие металлические ограды, старательно ухоженные дворики…

– Немцы, – кивнул Корбач в сторону одного из таких двориков.

– Где? – не понял Беркут.

– Живут здесь, говорю, немцы. Разве не видно? Аккуратности да умению вести хозяйство нам бы у них стоило поучиться. А всему остальному…

– У каждого народа есть чему поучиться, если, конечно, не помнить зла.

Корбач пытался свернуть за угол, но чуть было не раздавил мотоцикл эскорта, который пристроился у заднего борта замыкавшей колонну танкетки.

– Вся колонна стоит, господин обер-лейтенант, – доложил Беркуту обер-ефрейтор, уже успевший до этого сойти с мотоцикла и прогуляться по улочке.

– Выясните, что произошло. У нас – раненый, дорога каждая минута.

– Идет проверка документов. Ищут захваченные партизанами машины.

Пристроившиеся на подножках Корбач и Беркут переглянулись.

– Что делаем? – полушепотом спросил Звездослав по-немецки.

– Они ищут эти машины в немецких колоннах?! – несколько запоздало отреагировал Анд-рей. – Тогда, конечно, успех им гарантирован. Вот что, обер-ефрейтор, пересаживайте раненого в коляску мотоцикла и гоните к госпиталю. А мы подождем своей очереди. Мотоциклистов, тем более – с раненым в коляске, задерживать они не станут.

Пока раненого перегружали на коляску заднего мотоцикла, Громов осмотрелся. Свернуть было некуда. А тут еще вечер оказался на удивление ясным, светлым. Ранняя луна словно бы пыталась заменить солнце, превращая довольно пасмурный день в светлую ночь.

– Сдавай назад! – скомандовал лейтенант Корбачу, как только оба мотоцикла умчались. – Сворачивай в первый же переулок.

Сзади, почти вплотную, подъехали еще две машины, и пока Беркут требовал от водителей сдать назад, пока Корбач осторожно и неуклюже выбирался из очереди и, юркнув в тесный переулок, пробирался им, почти касаясь бортами оград и ломая ветки, – время было упущено. И вот уже в конце переулка вновь появился мотоцикл. Осветив их фарами, водитель начал яростно сигналить, требуя остановиться.

– Кажется, приехали, – осуждающе бросил Арзамасцев, когда машина остановилась и Беркут вышел из кабины. – Кто мне теперь объяснит, какого черта нужно было переться в этот город?

– Молчать! – по-немецки гаркнул лейтенант, направляясь к мотоциклу, на котором был только водитель. Андрей узнал его: за рулем сидел солдат, который вел мотоцикл обер-ефрейтора. – Что случилось, почему вы вернулись?

– У нас неприятности, господин обер-лейтенант, – мрачно объяснил рядовой, сходя с мотоцикла. – Машину с раненым пропустили, а обер-ефрейтора задержали. Офицер полевой жандармерии просит вас подъехать и объяснить, откуда и куда мы едем.

– Разве обер-ефрейтор ему этого не объяснил?!

– Капитану полевой жандармерии вообще непонятно, как мы здесь оказались. Ведь наш батальон участвует в антипартизанской акции – обер-ефрейтор сам сообщил ему об этом. А еще обер-ефрейтор сказал, что вы…

– Что именно он сказал?

– Мне бы не хотелось повторять его слова. Поедем, господин обер-лейтенант, иначе нас просто-напросто арестуют как дезертиров, – почти взмолился солдат. – Моих товарищей уже задержали, а меня вот послали за вами.

– Решение, конечно, безумное, – проворчал Беркут и бегло, незаметно окинул взглядом пустынный переулок: ни души, моторы работают…

– Поторопитесь, господин обер-лейтенант, – вновь взмолился мотоциклист. – Уверен, что, как только вы появитесь, сразу все прояснится.

– Хорошо, – беззаботно согласился он. – Поехали спасать ваших товарищей.

Не садясь в мотоцикл, водитель начал разворачивать его, но тяжелый удар ребром ладони в висок, а потом и удар ножом в шею прервали его усилия. Вместе с подоспевшим Арзамасцевым Беркут уложил тело мотоциклиста в кузов машины и вновь вернулся к мотоциклу.

– Теперь эскортировать буду я, – сказал он Корбачу, подъехав через несколько минут к грузовику. – Двигайся за мной, попытаемся обойти городок.

– Ох и доиграемся же мы, лейтенант, ох и доиграемся! – нервно пробубнил Кирилл. – Какого черта опять лезем на рожон?

– В машину, – сдержанно осадил его Андрей, уже в который раз пожалев, что вместо этого нервного ефрейтора рядом с ним не оказалось сержанта Крамарчука, Мазовецкого или хотя бы Колара. Господи, сколько же мужественных ребят осталось лежать в доте и возле него, на Змеином плато, на окраине сел и подольских перелесков!

Тело убитого немца они оставили в первом же попавшемся овраге, но бросать мотоцикл Беркут не захотел. Загрузив в коляску трофеи – автомат, магазины с патронами и подсумок с гранатами, они осторожно выбрались на едва накатанную у опушки леса дорогу, несколько часов колесили по ней, объезжая небольшие села, и лишь на рассвете, наткнувшись на заброшенный полусожженный лесной хуторок, замаскировали машину в ельнике и решили несколько часов отдохнуть.

Это был прямо-таки райский уголок. Три холма, между которыми расположилась усадьба, придавали этой местности какую-то особенную красоту и даже таинственность; кроны величественных сосен, обступавших дом, создавали удивительный узорчатый шатер, укрывавший людей и постройки от дождя и жгучих лучей солнца; а каменистый склон ручья, протекавшего по глубокому руслу и полукругом охватывавшего эту равнину, вполне мог бы стать основанием для крепостной стены – с башнями и переходными мостиками.

– Ты бы смог остаться здесь, а, лейтенант? – поднялась к нему на вершину холма Анна. – Я имею в виду – навсегда. Остался бы?

– Только для того, чтобы всю жизнь любоваться окрестными пейзажами?

– А я ожидала, что ты скажешь: «Если с тобой, Анна, то, конечно же, остался бы!..» – Сейчас она выглядела уставшей: круги под глазами, посеревшие щеки, запыленные взлохмаченные волосы. Короткая спортивная куртка ее тоже покрылась пылью, брюки измялись.

Однако девушка не придавала этому никакого значения и старалась казаться значительно бодрее, чем была на самом деле.

– А если бы именно так и сказал, что тогда?

– Не хитри, сначала скажи мне, бедной польке, правду.

– Корбач! – окликнул Беркут бродившего по двору парня, ничего не ответив Анне. – Сними с коляски пулемет и замаскируйся с ним вот здесь, в кустах под сосной. Великолепный обзор. Через час я тебя сменю. Через два часа – в путь.

– Значит, так ничего и не скажешь бедной польке… – разочарованно вздохнула девушка, привалившись спиной к стволу сосны и положив автомат на колени. Причем Беркут заметил, что проделала это девушка так, словно укладывала спать ребенка.

– Извини, не скажу.

– Не можешь простить бедной польке тех двоих немцев-любовников в сарае?

– Хочется верить, что происходило это не по твоей воле.

– Но простить все-таки не можешь…

– Послушай ты, «бедная полька», зачем ты опять заводишь разговор о случае в сарае? – сухо осадил ее Андрей, еще раз оглядывая окрестности в доставшийся ему от обер-лейтенанта бинокль. – Давай раз и навсегда договоримся: твоя интимная жизнь меня не интересует, а того, что происходило в каком-то там заброшенном строении, я попросту не видел. Как-то не довелось. Бывает же такое?

– И того, что происходило через несколько дней на чердаке, – тоже? – коварно ухмыльнулась полька.

– Того – тем более.

– В таком случае мне не пришлось видеть, как после этих ухаживаний за мной ты преподносил «уроки поведения» своему ефрейтору. Может, заключим по этому поводу «вечный мир», а, пан лейтенант-поручик?

– Иди, отдыхай, Анна, тебе это крайне необходимо. И есть у тебя на всю эту роскошь ровно два часа.

– Благодарю за великодушие, но, по-моему, в этом доме частенько ночуют партизаны или какие-то бандиты. Во всяком случае, там полно сена, все разграблено и затоптано. Кажется мне, что и хозяева отсюда не уезжали, а нашли вечный покой где-нибудь поблизости.

– Тебе не дают покоя их привидения? Можешь устроиться на одном из соседних холмов или в кабине.

– Почему не здесь?

– Потому что здесь ты будешь отвлекать часового, – едва заметно улыбнулся Андрей.

Как бы он ни старался урезонить эту девушку, каким бы несвоевременным ни казался ее флирт, все-таки она не могла не нравиться. Даже в этих мешковатых брюках, неуклюжих сапогах и тесноватой мальчишеской спортивной куртке.

– С чего ты взял, что я собираюсь его каким-то образом отвлекать?

– Я пекусь не о нравственности твоей, а о нашей общей безопасности.

– Жаль… – Беркут так и не понял, к чему относилось это ее «жаль», а посему промолчал. – А ведь если бы не было войны, если бы не боязнь того, что завтра сюда нагрянут немцы, я бы, наверное, никуда из этих мест не уезжала. Оставила

бы с собой кого-то из вас двоих: тебя или Звездослава, но не ефрейтора, конечно, женила на себе…

– Если бы не война, хозяин этого хутора еще хорошо подумал бы, прежде чем пустить тебя, а вместе с тобой – и нас, на порог. Но есть один человек, который наверняка принял бы твое предложение и не захотел бы уйти отсюда, жаль только, что он остался в Украине. Кстати, тоже поляк.

– Это ты о ком? – недоверчиво уставилась на него Анна.

– О поручике Владиславе Мазовецком, бойце моего отряда. Это он страстно мечтал побывать в своей Польше. Я же попал сюда по воле злого рока. Если только сумеем добраться до тех мест, где мы базировались; если Владислав окажется жив, и если… – Запутавшись в этих почти безнадежных «если», Беркут в конце концов махнул рукой и начал спускаться с холма, но все же на ходу договорил: – Словом, если все это случится, то обязательно познакомлю тебя с ним! Все-таки родная кровь, возможно, вы даже земляки…

– Значит, все-таки возьмешь с собой! – подхватилась Анна.

– А куда тебя денешь? – пожал плечами Анд-рей. – Все равно ведь не отстанешь.

– Ну, ты сам посуди: куда мне теперь без вас? Ведь, кроме вас, у меня теперь вообще никого нет. Не только в Польше, но и во всей Европе – никого!

11

Нет, это уже был даже не сон, а настоящее возвращение в прошлое. Перенесенный во времени, Беркут снова оказался в доте, на склоне днестровской долины, и все, что он видел – изгиб реки, каньон, дот на вершине утеса, лодки с вражеским десантом, цепи немцев, – все это открывалось ему через прорезь амбразуры, все было вполне осязаемым и совершенно реальным.

Он явственно ощущал запах гари, слышал взрывы снарядов, которыми немцы прикрывали с того берега свой десант, прислушивался к голосам бойцов из

соседнего отсека, и вновь видел рядом с собой Крамарчука, Газаряна, Абдуллаева, медсестру Марию…

Вот почему, услышав крик Корбача: «Лейтенант, немцы!», он, прежде чем окончательно проснуться, скомандовал: «Дот, к бою! Пушкари, к орудиям!», и только тогда увидел удивленно уставившихся на него Арзамасцева и Корбача. В соседней комнате возилась с одеждой Анна, которой постелили на единственной сохранившейся лежанке.

– Не понял… – растерянно проговорил Беркут, медленно поднимаясь и сходя с устроенного им на полуразрушенной печи сеновала. – Мне что – приснилось, будто кто-то крикнул?..

– Не приснилось, я кричал, потому что в долине действительно немцы, – зачастил Корбач. – Две машины и мотоцикл. Приближаются к хутору.

– Если немцы – это не страшно… Было бы сложнее, если бы вдруг нагрянули польские партизаны: в этих мундирах – хоть стреляй, хоть объясняйся с ними, результат один. Где пулемет?

– На холме.

– Убрать! Отходим к ельнику, поближе к машинам. Уехать мы уже не успеем.

– Заметят, – согласился Корбач, – а дорога плохая. И немцы уже рядом.

– Потому и говорю: к ельнику, пусть еще поблаженствуют.

Они залегли за гребнем едва заметной возвышенности, между холмом и ельником, выложив при этом весь свой арсенал: пулемет, автоматы, по две гранаты на каждого и запасные магазины.

– А ведь еще можно драпануть, – напомнил Арзамасцев, когда, оторвавшись от машин, мотоциклисты въехали во двор, чтобы осторожно осмотреть дом и полуразрушенные пристройки. – Без машин, по-тихому; лес – вот он, рядом.

Он лежал между Беркутом и Анной, – которая, на удивление, спокойно готовилась к бою, правда, гранаты как-то опасливо отодвинула от себя, – и Андрей видел, как, излагая план отступления, Кирилл мелко вздрагивал. Лейтенанту странно было видеть такое, но Арзамасцева действительно бил такой озноб, словно он раздетым лежал на снегу. А ведь день выдался по-июльски теплым.

– Уйти еще можно – в этом ты прав, – согласился Андрей, положив руку ему на плечо. – Бросить машины и уйти…

– Тогда почему не уходим? – раздраженно спросил Кирилл, выждав несколько минут. – Если можно, то чего ждем?

– Немцев, – спокойно ответила за Беркута Анна. – Пока остальные подъедут.

– Вот именно, – согласился лейтенант. – Дадим бой – и уйдем. Если, конечно, позволят обстоятельства.

«В общем-то, он прав, – подумал Беркут, наблюдая, как два мотоциклиста (третий с мотоцикла не сходил), обследовав чердак и кусты, принялись внимательно всматриваться в ведущую к дому дорожку. – У нас еще действительно была возможность “уйти по-тихому”, и это было бы благоразумно. Видно, во мне все еще сидит комендант пограничного дота: “Без приказа не отступать!”, “Дот не оставлять, пока не иссякнет боевой ресурс гарнизона!”, “Сражаться до последней возможности!”».

– Ой, кажется, они заметили следы колес! – вдруг подала голос Анна. – Так и есть, пошли по следу. Остановились и пристально всматриваются в нашу сторону.

Она замолчала. Все четверо замерли в нап-ряженном ожидании. Солнце слепило немцам глаза, особенно тому, в очках. Он заслонялся от лучей поднятым вверх автоматом и показывал рукой на лес. Беркут не мог слышать, что именно он говорит, но по тому, как его сослуживец спокойно пошел за холм звать остальных, понял: немцы решили, что машина и мотоцикл ушли в лес. Интерес фашистов к следам во дворе как раз тем и вызван был, что они искали исчезнувшие машину и мотоцикл.

– Ефрейтор, – вполголоса проговорил Анд-рей, – передай Корбачу: из пулемета огонь по кузовам. Пока немцы не успели сойти и расползтись. И пусть постарается повредить моторы обеих машин. Сам отсекай их от дома, а ты, Анна, – от высотки, у въезда во двор. Я буду на ней…

Прихватив две гранаты Ягодзинской, лейтенант осторожно подполз к небольшой ложбинке, пробежал по ней к подножию холма и залег там. Взобраться на вершину незамеченным он сумел бы только тогда, когда бы машины въехали во двор и все немцы оказались по ту сторону холма.

Как только борт задней машины исчез за гребнем, Андрей взбежал наверх и, еще толком не осмотревшись и не видя машин, метнул во двор одну за другой две гранаты. Не успел отгреметь взрыв второй из них, как открыл огонь Корбач. За ним, чуть с опозданием, – Арзамасцев и Анна.

Приподнявшись у сосны, Громов увидел развороченный борт задней машины и пламя на капоте передней, мечущиеся по двору фигуры немцев, очевидно, решивших, что они окружены; и теперь уже прицельно метнул третью гранату, положив ее между первой машиной и мотоциклом. В ответ из сарая кто-то швырнул гранату на холм, но она взорвалась метрах в десяти от вершины; кроме того, Беркута прикрыл толстый ствол старой сосны.

Понимая, что как только немцы придут в себя, они сразу же попытаются сбить его с высотки, последнюю гранату лейтенант метнул за машины, где у руин сарая залегло человек десять гитлеровцев, и, подкрепив ее несколькими длинными очередями по окнам дома и руинам, побежал к своим.

Уже у оврага в спину ему вдруг ударила сильная взрывная волна. Лейтенант бросился на землю, инстинктивно накрыл голову руками, и лишь когда прогремел еще один взрыв, чуть слабее, понял: взрываются не снаряды и не гранаты, а баки машин.

– Корбач, к машине! – скомандовал он. Поднялся, дал еще две очереди и, на ходу меняя магазин, побежал дальше. Его заметили, пули скосили кусты впереди него, позади, сбили кору с дерева, за которым он приостановился.

– Корбач, оставь мне пулемет! Я прикрою! Все к машине! Уходите по редколесью!

Уже падая рядом с Корбачем, он увидел, как тот скосил двух немцев из жиденькой цепи, которую они организовали, пытаясь атаковать кустарник. Остальные залегли и ползком попятились. Трое солдат из тех, что после взрывов засели в сарае, не выдержали, оставили руины и побежали в долину, к ручью, очевидно, надеясь уйти по его склону подальше от хутора.

Еще несколько минут лейтенант сдерживал немцев, прочесывая короткими очередями проемы окон, руины сараев, остатки машин и, лишь когда закончилась лента (вторая колодка осталась в коляске мотоцикла), подхватил пулемет и, перебегая от дерева к дереву, начал отходить к ельнику. Машины уже не было, а мотоцикл оказался выкаченным из кустарника и ждал с заведенным мотором.

«Молодец, Корбач! – мысленно похвалил поляка, зная, что Арзамасцев не проявляет к технике абсолютно никакого интереса. – А ведь неплохой боец. Да и офицер мог бы получиться не хуже. Только бы сберечь его, пока не пробьемся на Украину, к своим!»

Мотоцикл он вывел, ориентируясь по звуковым сигналам грузовика, которые, остановив машину на просеке, давал Корбач.

– Бросай мотоцикл, лейтенант! – крикнул Арзамасцев. Он стоял в кузове с оголенной рукой, которую Анна неумело, торопливо перевязывала. – И эту таратайку – тоже. Уходим лесами, так надежнее.

– Корбач, – не отреагировал на его призыв Беркут, – веди машину, я следую за тобой!

– Но горючего километров на двадцать, не больше.

– Это значит, что мы окажемся на целых двадцать километров ближе к границе!

Просека вывела их на хорошо накатанную лесную дорогу, но Корбач остановился, не зная, в какую сторону свернуть. Лейтенант взглянул на полуденное солнце, вспомнил, в какой части горизонта оно восходило, когда они отдыхали на хуторе, и прикинул, где может быть восток. Но по его расчетам получалось, что дорога вела с юга на север.

– Давай туда, – махнул Беркут на север, – до первого поворота направо.

Проехав еще с километр, они оказались перед незасеянным полем, по левому краю которого виднелись какие-то строения. Пробиваться по этому тряскому полю было сущей пыткой. Беркуту казалось, что ему вообще не будет конца и что ухабы уже вытрясли из него душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Действия, связанные с группой лейтенанта Беркута (бывшего коменданта «дота смертников» Могилевско-Ямпольского укрепрайона Андрея Громова), происходят в 1943 г. Сюжетная линия лейтенанта Беркута и его группы прослеживается в моих романах «Река убиенных», «Живым приказано сражаться», «До последнего солдата» и других, входящих теперь в эпопею «Война империй».

2

Так в те времена именовали НЛО, нынешние «летающие тарелки».

3

В замке Фриденталь, неподалеку от Берлина, располагались так называемые «Фридентальские курсы», которые опекал Отто Скорцени и на которых готовили супердиверсантов и будущих руководителей повстанческих, национально-освободительных движений, из «неофитов», представлявших многие народы мира.

Купить: https://tellnovel.com/sushinskiy_bogdan/zhestokoe-miloserdie

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити